

Рудницкая Е.С.
ВИЗАНТИЙСКИЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Греческая литература, оставившая после себя массу интересных произведений, во все времена была объектом для подражания. В последующие эпохи писатели и поэты многих стран часто наделяют свои произведения цитатами и реминисценциями из греческих источников.

Одним из примеров обращения к греческому культурному наследию можно считать византийскую литературу. Эпоха, следовавшая сразу за античной, не могла пройти мимо вековых пластов культуры, наработанных греческими авторами. Византийская литература раннего периода (до 12 в. н.э.) не стремилась к выработке новых жанровых форм: христианские писатели стремились, главным образом, «перелить новое вино в старые мехи». Это не означает, что литераторы этой эпохи отказались от отражающей реальную частную жизнь любовной тематики – она присутствует в эпиграмме, в фиктивном письме, в романическом эпосе.

Достаточно хорошо известно, что в Византии особой популярностью пользовались любовно-авантюрные романы. Чешский исследователь Р. Досталова в своей статье «Социальные условия возрождения романа в Византии XII века» приводит мнение Х.-Г. Бека, который говорит, что «появление четырех любовных романов, причем много столетий спустя после выхода в свет последнего позднеантичного романа, вызывает удивление» [6, с. 123]. Он объясняет это тем, что в XII веке античные романы вследствие своего особого стиля относились уже к классическим произведениям, т.е. к образцам, которые рекомендовались для подражания. Однако такая рекомендация касалась лишь их стилистических особенностей, ведь наряду с Левкиппой и Хариклеей, героинями романов Ахилла Татия и Гелиодора, к числу рекомендуемых персонажей относится также Юлиан Отступник. Аллегорическое толкование содержания, причисление Гелиодора и Ахилла Татия к христианам – все это оправдывает чтение античных романов, но не объясняет исследователям, зачем создавались новые произведения этого рода [4, с. 61].

Что же могло стать основой для появления в Византии XII века любовно-приключенческого романа светского и языческого содержания, какими путями мог он войти в ареал средневековой греческой культуры? Таковой основой исследователю С. В. Поляковой представляется символическо-аллегорическое восприятие византийцами античной литературы в целом и эллинистического романа в частности. «Действительность в понимании средневекового человека, - пишет С.В. Полякова, - символ трансцендентного мира. Каждое явление, каждый предмет еще и нечто иное, чем оно непосредственно кажется, знак или изображение чего-то более значительного, стоящего за ним, носитель второго главного символа. От любого самого незначительного объекта тянулись нити символического контакта, связывающие его с миром непреходящих, подлинных ценностей... Символический подход к явлениям внешнего мира сказался и на отношении к языческой культуре, которая на этом основании могла быть включена в орбиту средневековой культуры» [5, с. 124-125]. В качестве примера подобной аллегорической интерпретации приводится такое осмысление «Эфиопики» Гелиодора Филиппом Философом, согласно которому Хариклия превращается в символ духа и разума, ее отец Харикл – в олицетворение практического действия, а волшебный камень Пентарб – в символ страха божьего. Роман Евмафия Макремволита «Повесть о Исмине и Исминии», написанный в XII веке, чаще всего рассматривался исследователями как слепое подражание роману Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт». Но, рассмотрев более внимательно это произведение, можно прийти к выводу, что перед нами - абстракция с персонажами, представляющими собой общие понятия, а характер сюжета в них проявляется как символическо - иносказательный, на условно-абстрактном фоне развития сюжета.

«Благодаря рассмотренным приемам адаптации, греческий любовный роман утверждался в Византии и пользовался популярностью, как это видно не только по значительному количеству средневековых рукописей, но и по тому, что он служил предметом литературно-критического рассмотрения, давал в XII в. материал для историко-технических руководств, прозаических стихотворных реплик», - пишет А.Д. Алексидзе, - и XII век, как на Востоке, так и на Западе, представляется эпохой осязаемого преодоления традиционных средневековых этических и эстетических норм, утверждения новых духовных ценностей, значительных идейно-культурных сдвигов. Следовательно, византийский роман следует увязывать именно с новыми светскими тенденциями, с новой культурной атмосферой.

Связь византийского романа XII века с новыми, прогрессивными тенденциями отнюдь не означает, что в нем нашли непосредственное отражение наиболее передовые философские и социальные идеи. Идеи Иоанна Итала и Евстратия Никейского не вызвали прямого отголоска в сочинениях Никиты Евгениана или Феодора Продрома. В художественном отношении эти сочинения также не представляют собой высшего воплощения греческого творческого гения. Их авторы довольствуются в основном арсеналом традиционных антично-византийских риторических и поэтических средств [1, с.8-9].

Некоторые теоретики литературы уже в связи с возникновением античного романа задавали себе вопрос, не был ли он хотя бы отчасти обращен также к женской половине читающей общественности (Антоний Диоген посвятил свой роман сестре Исидоре), указывая на свойственную той эпохе более высокую грамотность женщин и на то, что роман, в котором выделяется главная героиня, выражает скорее женские идеалы. Интимный характер жанра, которым можно было наслаждаться в домашнем уединении, как будто также мог облегчить женщинам доступ к литературе [8, с. 95-96].

С другой стороны, Х.-Г. Бек причисляет византийские романы именно к тем произведениям, язык и стиль которых и число содержащихся в них мифологических намеков предъявляют к образованности читателя высокие требования. Женщины, в особенности принадлежащие к аристократическим кругам, занимали с конца XI и начала XII веков значительное место в обществе и принимали участие в финансовых и экономических делах. С оживлением городской жизни после XI века связана также большая занятость женщин в мелкой торговле, причем их активная экономическая роль распространялась на общественные дела и давала более широкие возможности общения с мужчинами, чем это до сих пор предполагалось. Анна Камнина в «Алексиаде» оправдывает участие своей матери, Ирины Дукены, в походах императора Алексея, ссылаясь на необходимость всесторонней заботы о муже. Анна считает, что главной задачей Ирины были бдительная охрана императора от козней политических противников, императрица была для Алексея союзницей и советчицей. Однако эти привилегии относились не только к женщинам-аристократкам, но и к представительницам более низких классов [4, с. 62].

Э.М. Джеффрис предполагает интересную гипотетическую возможность, что романы Феодора Продрома и Константина Манассии были созданы по инициативе императрицы Ирины, хотя этому и нет прямых доказательств. Существуют точные свидетельства, что Ф. Продром сочинял в ее честь хвалебные стихи (в том числе «Манганию», где появляется фразеология, близкая к романам), а К.Манасси под ее покровительством написал свою хронику [9, с. 480].

Говоря о связи византийского романа с прогрессивными тенденциями эпохи, мы имеем в виду, что византийский роман XII века, как явление идейное и художественное, мог возникнуть в условиях именно данной эпохи, что он связан с теми общественными и культурными процессами, которые создают атмосферу так называемого византийского Возрождения. Воспевающий земную любовь и красоту, воссоздающий дух и реалии античной жизни, откровенно игнорирующий христианство, он представляется типичным явлением византийского «Ренессанса». В определенном смысле этот роман можно рассматривать как значительное явление, поскольку романисты отмежевываются от официальной церковной морали. Церковные догматы в эту эпоху еще только начинали устанавливаться, они не имели такой всепоглощающей силы, как в последующие века.

XII век – век расширения контактов Византии и Западной Европы, причем не только экономических, но и политических, культурных, а также это век крестовых походов. Церковь требует, чтобы Иерусалим был отвоеван у мусульман, и один за другим собираются крестовые походы в Западной Европе и в других странах, находящихся под влиянием христианской веры. Разделение церкви на две ветви практически не меняет ее идеологию в этом вопросе. В литературе открываются большие возможности для изучения эпоса многих стран, и византийские писатели пользуются этой возможностью. Византийские романы XIII - XV веков – это «Каллимах и Хрисорроя», «Велтандр и Хрисанца», «Ливистр и Родамна», «Имберий и Маргарона», «Флорий и Плаца-Флора». Из этих романов два последних – сочинения XV века «Имберий и Маргарона» и «Флорий и Плаца-Флора» - представляют собой переработку западных романов. Отдаленным прототипом первого считается провансальский роман «Priere de Provence et la Belle Maguelonne». Основой для второго послужила тосканская поэма XIV века «Il cantare di Fiorii e Bancifiore», которая, в свою очередь, является переработкой французского романа «Floire et Blanchefeur» [1, с. 37]. Влияние французской литературы на византийскую отмечают практически все исследователи византийской культуры.

Р. Досталова ставит в своей статье еще одну интересную, на наш взгляд, проблему. «До сих пор не был дан ответ на вопрос, почему эти византийские авторы избрали именно стихотворную форму и почему их рассказ отличается высокой степенью лиричности, а иногда и вставленными в текст стихами» [4, с. 67]. Возможно, здесь стоит сказать о

поэзии трубадуров XII века. «Творчество трубадуров, - отмечает Давансон, - также принадлежит ренессансу XII века, картину которого оно обогащает и делает более сложной и содержательной. Явление «трубадуры» составляет часть более крупного явления, зародившегося на юге, - нового искусства жизни, более человеческого, более утонченного, более рафинированного» [8, с. 45]. Гийом IX (1086-1127), первый трубадур, автор вдохновенных песен и герой романтических приключений (именуемый в хрониках «врагом нравственности и благочестия»), вносит в поэзию новые темы и идеалы, которые на целых два века определяют темы и мотивы лирики трубадуров.

Таким образом, концепция любви античного романа достигает в романе XII века еще большей нравственной утонченности и совершенства. Вместе жить, вместе умереть. Невозможность измены. Сохранение верности в любых испытаниях. Сохранение целомудрия до брака, в котором будет достигнуто полное и истинное счастье. Однако любовь трубадуров отличается еще одна особенность: любовь трубадуров – это любовь вне брака, адюльтер. «Свободная любовь – это концепция, общая для всех трубадуров без исключения» [10, с. 54]. Их Дама – это всегда замужня женщина. Брак, супружество, с их точки зрения, ересь, поскольку в браке истинная любовь невозможна. Здесь необходимо дополнить, что в феодальном обществе брак представлял собой чаще всего своеобразный контракт.

Новым отношением к женщине и к любви проникнуто все творчество Кретьена де Труа. Он предлагает обществу новый идеал – брак, основанный на любви, достижение любви и счастья в супружестве. Для общества, в котором живет Кретьен де Труа, этот идеал неожиданен и необычен. Для Рено де Божё, поэта конца XII века, женщина – источник всякого блага, созданная богом для того, чтобы мужчина поклонялся и служил ей. Человек, отвергающий любовь, - слепец и безумец, а оскорбившего женщину постигнет кара Господня – он лишится дара речи. А погибнуть во время поединка, сражаясь за честь прекрасной дамы, считалось вполне обычным делом. Поэзия трубадуров – поэзия отнюдь не символическо-аллегорическая, это поэзия реальных чувств и страстей, которая могла зародиться только в XII веке, в условиях определенного временного ослабления церковных моральных догматов.

Порой романы пишутся для определенного круга людей. И здесь сказывается влияние светской аристократии XI - XII вв., которая переживает подъем. Находясь ниже духовенства по многим критериям, в том числе и интеллектуальным, она пытается доказать свою значимость миру духовенства. Куртуазная любовь была противопоставлена христианской морали. Аристократия заказывает произведения, и те же писцы и клерки пишут уже на более фривольные, по мнению духовенства, темы. Чтобы объяснить такое раздвоение, М. Лазар предлагает ввести понятие «двойной истины». Это понятие раскрывает сущность сложившейся в обществе ситуации [10, с. 12].

В XIII веке ситуация резко изменяется. Церковь решительно вмешивается в светскую литературу. «Прозаический роман XIII века не служит ни продолжением, ни развитием стихотворного романа XII века. Это ... его ревизия, исправление, критика и ... обеднение. Проза в данном случае не означает усиления реализма. Напротив, она вносит в то удобное вместилище, каким был роман, идеи церковных реформаторов, идеализм цистерцианцев, мистицизм» [3, с. 32]. Агиографические произведения, герои которых испытывают лишь одну любовь – любовь к Христу, - становятся определяющими для вкусов общества. Переделываются многие античные романы, под влиянием новых условий порой меняется идейное содержание, целеустановка целого литературного жанра. Авторы античных романов в легендах становятся людьми, принадлежащими к лону церкви. Только таким образом церковь считает возможным прочтение этих произведений своей паствой. Культ женщины (донны, «Прекрасной Дамы») заменяется культом Богородицы, единственной, по мнению церкви, женщины, любви к которой не стоит стыдиться. На нее авторы романов переносят все свои эпитеты и метафоры, и перед ней преклоняются герои-рыцари.

Конечно, остаются и так называемые враги церкви, продолжающие упорно восхвалять земную любовь и описывать страсть к простой земной женщине, а не к Богородице. Но с ними ведется непримиримая борьба. Придание анафеме любовного трактата Андре Капеллана – это лишь один эпизод той борьбы, которую церковь ведет против светских, любовных произведений. Предаются сожжению на костре не только романы, но и другие произведения языческих писателей. «Если ты не хочешь уверовать в это, взгляни на языки пламени, в котором корчатся твои друзья. Теперь же ответствуй кратко: «Сгоришь ли ты в огне или присоединишься к нам?...» - восклицает настоятель Вильмеирской церкви [10, с. 254]. Эта фраза может считаться девизом XIII - XIV вв.

Именно на этом этапе, по мнению А. Алексидзе, роман в Византии превращается в греческо-

медиевальный византийский жанр, который своей структурой и отдельными компонентами ощутимо отделяется от эллинистических прототипов. Его цель - увлечь читателей определенного круга. Роман был рассчитан на так называемое домашнее чтение, в узком семейном кругу родных и близких друзей. Описываемые в нем приключения порой бывали автобиографическими историями, и в настоящее время представляют интерес не только для филологов, но и для историков. Расширение аудитории рыцарского романа было связано с ростом его популярности, с его определенной демократизацией (в смысле ослабления книжной традиции и уменьшения языковых архаизмов). Первоначально создаваемый для индивидуального чтения, рыцарский роман затем широко декламируется. В принципе, написать роман в XIII – XIV веках означало написать роман только рыцарского типа.

Существует определенная линия развития, связывающая греческий рыцарский роман XIII - XIV веков с любовным романом XII века. В романе XII века прослеживается определенная тенденция, подготавливающая почву для рыцарского романа в эмоционально-психологическом, поэтическом, языковом и других отношениях. Это обстоятельство отнюдь не означает, что и переход романа XII века к романам XIII - XIV веков представлял собой простую эволюцию, идентичную той, которую претерпевает византийский любовный роман на протяжении XII столетия. Рыцарский роман отличается целым рядом особенностей, в силу которых о нем следует говорить как о качественно новом явлении греческой словесности. Например, в отличие от любовных романов, где юноша и девушка отправляются в путешествие вместе, в рыцарских романах на путь приключений становится только юноша, рыцарь. Формой выражения возникшего в душе нового чувства является эмоциональное и пространное описание рыцарем красоты своей возлюбленной. Одним из важных критериев его выбора становится эстетический – физическая красота избранницы. Описание внешности девушки как подтверждение возникшего к ней интереса или влюбленности – элемент, также проистекающий из любовного романа. Встреча с женщиной, зарождение любовного чувства наполняют жизнь рыцаря содержанием, придают ей целенаправленность. Эллинистическо-византийский любовный роман изображает женщину полноценным существом, способным на истинную дружбу, преданность, проявления высшей нравственности и величайшей душевной стойкости. Рыцарские романы обогащают мир женских образов новыми красками, часть которых привнесена западным рыцарским потоком [1, с. 126-127].

Многообразен языковой спектр. В произведениях используются «аттический» диалект и литературный «койне» - общегреческий язык рубежа тысячелетий, латынь, на которой пишутся научно-теологические части произведения, растет влияние живого разговорного языка. Рыцарский роман, отказавшись от искусственного, классического греческого языка, пользуется и разговорным, и искусственными языками, т.е. некой смесью, не дающей нам возможности обозначить ее как-то конкретно, отнести к какому-то определенному языку. Вкрапление стихотворений или же цитирование отдельных частей произведений древнегреческих авторов повсеместно присутствует в произведениях византийских писателей. Определенная часть общества пользовалась классическим языком в качестве разговорного так же, как на Западе пользовались латынью.

Существует и еще одна проблема: как отделить авторскую версию романа от версий переписчиков и интерполяторов, зачастую писавших под влиянием исторической и политической ситуаций. Каждый из исследователей пытается найти свой способ, наиболее подходящий для данного жанра. Кто-то опирается на стилистические признаки языка, свойственные данному веку, кто-то - на исторические факты... На наш взгляд, наиболее достоверными являются версии XIV – XV веков, как самые близкие к источникам. Изменения, произошедшие в языке этого периода, а также сложившаяся историческая и политическая ситуации не очень резко отличаются от эпохи XII - XIV веков.

Наша статья, таким образом, не претендует на окончательное решение вопросов, возникших в науке за последние двести лет. Обоснование и доказательство любой из возникших за этот период гипотез также не может стать главной задачей исследования, поскольку в силу известных идеологических установок недавнего прошлого византийская литература была в нашем литературоведении «забытой», а то и «закрытой» темой.

Считая главной своей задачей пробуждение интереса к означенной выше проблематике, мы надеемся на продолжение исследовательской работы в этом направлении.

Литература

1. Алексидзе А.Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII – XIV вв.). - Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1979.
2. Византийская любовная проза (Аристенет, Евмафий) /Пер. с греческого, статья и примеч. - Полякова С.В. – М.-Л., 1965.
3. Декс П. Семь веков романа. - М., 1962.
4. Досталова Р. Социальные условия возрождения романа в Византии XII века. /Византийский временник. – Т. 49. – М., 1988.
5. Из истории византийской любовной прозы. /Византийская любовная проза. – М.: Наука, 1995.
6. Beck H.G. Byzantinisches Erotikon. - Munchen, 1984.

7. Davenson H. Les Troubadours. - Paris, 1961.
8. Hugg T. The Novel in Antiquity. - Oxford, 1983.
9. Jeffereys E.M. The Comnenian Background to the Romans d'antiquite // Byzantion. 1980.
10. Lazar M. Amour courtois et fin' amors dans la literature du XII –e siecle. - Paris, 1964.